

Международная Ассоциация Кавказских
Региональных Исследований

Право Политика Экономика Социология Современная история Международные отношения

Том 2, Выпуск 1, 1997

ЖИВЯ С ДРУГИМИ: КОНФЛИКТ И СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ
КАВКАЗСКИМИ НАРОДАМИ

Рональд Григор Сюни *

Когда-то, в далеком XIX веке - приблизительно между 1789 и 1914 годами - армяне в Закавказье и Османской империи переосмыслили свое этнорелигиозное сообщество, с его преимущественной верностью уникальной форме христианства, и выработали вместо него более европейское представление об армянах как светском народе, имеющем язык, общую культуру, историю и территориальную родину. Как и другие народы, армяне имели право на национальное самоопределение, защиту культуры, даже политическую автономию, а в некоторых программах и на независимую государственность, чего требовала радикальная интеллигенция, которая заняла место представителей церкви во главе "нации". Для обоснования армянских национальных требований, националистическое видение, по мере возможности, заново исследовало и развернуло историческую летопись, точно также, как

это делали для своих наций другие национальные государства и националистическая интеллигенция. Это националистическое видение было воплощено в первой Армянской республике (1918-1920) и, по иронии, сохранено, если не всегда в практике, то в риторике Советской республики-преемницы (1920-1991). Советский период был особенно важным в развитии осмысления государственности, ре-интегрирующей армян из остального Советского Союза, Среднего Востока и других в крошечную республику вокруг Еревана, развивающую и поддерживающую армянскую интеллигенцию, урбанизирующую и индустриализирующую страну, распространяющую грамотность среди масс и обучение армянскому языку, институционализирующую армянскую культуру в ее приемлемую Советскую версию и предоставляющую армянам Закавказья все аспекты национальности, за исключением полного суверенитета в рамках их государства и самоопределения их будущего.

Советский период наиболее устойчиво идентифицировал Армению с территорией республики. С другой стороны, для националистов за границей было живым представлением о великой Армении, которая включала бы бывшие центральные земли армян, принадлежащие сейчас Турецкой республике, однако глобальная политика, Западные интересы безопасности и политика Советского государства превратили любую экспансию Армении в политическую фантазию. Казалось, что уделом Армении был Кавказ, и единственный практический шанс на экспансию у нее появился за счет Азербайджана в Карабахе. Для армян требование Карабаха имело двойную легитимность: историческая связь региона (Арцах) с армянами; и преобладающее армянское демографическое доминирование в регионе. Кроме того, отделение Карабаха от Армении рассматривалось как нелегитимное, связанное с

дискредитированным Советским регионом и одиозной фигурой Сталина. Поэтому, так как двадцатый век приближается к своему завершению, армяне стали переосмысливать свою национальную государственность, связывая Карабах с Арменией и широко надеясь, по крайней мере в обозримом будущем, на ирредентистские требования против Турции.

В Советский период и в пост-советский период была тенденция к большей однородности республик, национализации новых государств, и, следовательно, к созданию проблемы меньшинств, которые не вписываются в новые национализированные государства (например, абхазы и осетины в Грузии, армяне в Азербайджане и Грузии, азербайджанцы в Армении и Грузии). С 1988 года ответом на проблему меньшинств в Закавказье было изгнание или миграция, межэтническое столкновение и/или политическое отделение.

Были ли или есть ли альтернативы этнической чистке мягкого типа, ведущей к миграции, или же жесткого типа, ведущей к массовым убийствам?

Во-первых, необходимо отметить, что гомогенизация и территориализация, которыми были отмечены закавказские народы в наш век, оба отличаются от того, что происходило в этом регионе в прошлом и что происходит в других частях мира сегодня. В течение основной части своей истории Кавказ был свидетелем чрезвычайных движений и миграций народов, вторжений кочевников через перешеек, миграций в горы для большей безопасности, движений к подножью гор для лучших экономических возможностей, сезонные перемещения в горы и вниз, движения крестьян в города, постоянная или почти постоянная миграция из региона в диаспору (внутри

или за пределы Российской и Оттоманской империй или СССР), и возвращение (hairenatartsutiun) на родину из диаспоры. И в этом процессе постоянного движения было постоянное смешение населения, размывание этнических границ, совместные браки, двух- и трехязычие, доходящее даже до того, что одни народы становились другими народами, и одни исчезали в других, наподобие средневековых албанцев в армянах и мусульманах восточного Кавказа. Эти процессы миграций и смешений создали многоэтническую, многоязыковую, очень различную, но выделяющуюся кавказскую культуру, разделяемую всеми народами региона. Пища, обычаи, одежда, танцы, ритуалы переходят одна в другую и питают друг друга. Географическая близость была более важной в определении культуры и отношений, чем абстрактные идеи о различающейся этничности или идеологических концепциях нации. Кто в действительности ввел обычай тамады, разделяемый всеми кавказскими народами и даже русскими? Действительно ли это имеет значение? Всегда ли вы можете отличить грузинскую церковь от армянской? Опасаясь сельджуков, оттоманских турок или монголов, армяне мигрировали в южном направлении в Киликию или в северном в Грузию. Сложными способами люди уживались друг с другом. Грузинские цари использовали армян, как например Захарян-Мхаргрдзели, в качестве атабеги (главнокомандующих) и мсахуртухуцеси (управляющих царскими владениями). Средневековые грузинские летописцы без проблем признавали близость отношений между армянами и грузинами, даже называя Хайка, родоначальника армян, старшим братом Картлоса, родоначальника грузин. Хотя не без конфликта и гордости за язык и свою особую форму религии, эти два христианских народа учились друг у друга, из поколения в поколение жили и работали при

правления семьи Багратидов, вначале армянской, но вскоре ставшей грузинской ветвью. И хотя угрожаемые и завоевываемые мусульманами, все же кавказские христиане были способны жить и работать также и с мусульманами, воспринимаемыми ими как "народ книги". Средневековые города Армении и Грузии, включая Двин и Тбилиси, в значительной степени управлялись мусульманами, которые одно время были главными лавочниками и купцами региона. Позже грузинский царь основал город Гори для армян, и в это время армяне превратились в так называемый средний класс Грузии и восточного Закавказья. Баку и Тбилиси были моделями межэтнического сосуществования; одно время Тбилиси имел армянское большинство, а Ереван был преимущественно мусульманским городом в определенные промежутки своей долгой истории.

Лояльность в большей части кавказской истории была представлением не любых отдельных национальностей, а наднациональных религий - православного христианства, ислама - а также местных династий - Багратидов или Арцрунидов, Рштунидов, Сиунидов. И даже экстранациональных имперских правителей - Персов, Византийцев, царей Грузии, Оттоманов, Россиян, Советского Союза. Грузия и Армения были не объединенными странами, а раздробленными на княжества, эмираты и малые царства. Лишь в девятнадцатом веке, с российским завоеванием Закавказья, большинство грузин было эффективно поставлено под единое правительство, но в то же время они потеряли всю видимость государственности. Армяне были поделены между Оттоманской и Царской империями, и меньшая российская часть выиграла от более европеизированной Российской империи. Азербайджан же был поделен между Персией и Россией, и бесспорно, что российский Азербайджан стал

развиваться быстрее, чем иранский Азербайджан.

Наследие российского имперского опыта, как впоследствии и советского, было сложным и противоречивым, но вероятно величайшим результатом имперского правления были генезис и ускорение процесса национального строительства. В XIX веке доминирующей идиомой, через которую грузины и армяне осознавали себя, стал язык нации. Но распространение идей этнической национальности отделяло народы один от другого, закрепляя некогда подвижные границы между ними. Религиозные и социально-классовые различия переосмысливались в этнических терминах, и поэтому различие натурализировалось, даже биологизировалось. Язык превратился в ключевой признак отличия, а националистические интеллектуалы обострили различия, которые в прошлом в значительной степени были неподходящими. Довольно интересно, что до русской революции национализм не был доминирующим интеллектуальным и политическим движением ни в Азербайджане, ни в Грузии; доминирующей оставалась прежняя лояльность к Исламу и к традиционным духовным лицам, а в Грузии главным политическим движением была меньшевистская социал-демократия. Лишь в Армении была националистическая социалистическая партия - Дашнакцутюн - главный рупор нации.

Основная точка зрения, на которую следует указать, заключается в том, что в период до русской революции национализм был намного слабее, чем это утверждает большинство историков. Только лишь с большевистской революцией в октябре 1917 года ведущие политические партии в Закавказье начали постепенное движение к отделению своих народов от российского государства. Как и в 1988-1991, в 1917-1918 годах слабость, а на самом деле крушение

центральной российской власти, привела к выходу из России закавказских государств. Выталкивание из центра было сильнее, чем тяга, исходящая от периферии.

XX век в Закавказье рассматривается как укрепление национальных территориальных государств армян, азербайджанцев и грузин. Однако в то же время, значительная часть остального мира двигалась от территориализации к детерриториализации, от исключительности к космополитизму. Миграция и смешение населения превратились в глобальную тенденцию. В эру глобализации национальная исключительность быстро превращается в архаизм. Глобальный капитализм сделал границы менее нужными. Международные средства массовой информации ведут к смешению культур, а движение народов, глобализация культуры, капитала, медиа сталкиваются с идеями однородности в рамках наций и с резкими, твердыми различиями между ними.

Место национализма... и его различия

Как показывает карабахское движение, национализм является эффективной мобилизующей идеологией для антиимпериалистического движения за независимость. Как показывает недавний успех Армении в Карабахской войне, национализм является эффективным инструментом для объединения народа вокруг стратегических целей. И как показывает поражение Азербайджана в войне, менее притягательная национальная принадлежность и националистическая идеология жестко стесняют усилия по отправке армий на поле боя и противостоянию поражениям. Но как показывает внутренняя история второй Армянской республики,

национализм не обязательно ведет к внутреннему консенсусу, единству вокруг данного политического руководства, или же при демократической или прото-демократической направленности, к концу политики разделения. Остается рассмотреть, способствует ли национализм процессу авторитативного (а не авторитарного) государственного строительства, предпосылке эффективной демократизации, установлению правового правления и даже продуктивной рыночной экономике.

Мы живем в мире государств, имея их с XVI и XVII веков. Как я ранее отмечал, с конца XIX и начала XX веков государства рассматривались как наиболее легитимные тогда, когда их правительства представляли свои народы, понимаемые как нации. Национализм в Закавказье уже сыграл, и я бы сказал, исчерпал свою роль в создании независимых государств. Можно сказать, что с этой точки зрения позитивные результаты антиимпериалистической националистической метаморфозы являются метастазами в негативных результатах исключительного, даже экспансионистского этно-территориального национализма. С этой точки зрения вероятно выживание более космополитических, панкавказских тенденций прошлого.

Если мы рассматриваем кавказские нации как полностью сформированные современные нации с долгим и продолжительным национальным прошлым, то поощряется тенденция к укреплению и созданию границ вокруг этих наций. В известном смысле мы подошли к концу истории - с капитализмом и демократией западного типа и с созвездием национальных государств. Но если вместо этого мы видим постоянно формирующиеся нации, отличающиеся в их нынешних формах от тех, в каких они были в прошлом и эволюционирующие теперь

в непредсказуемых направлениях, то мы можем предполагать тенденции, допускающие изменчивость и сложность, возможность и приемлемость развития. Если внимание акцентируется на возможных связях и схожести между соседями, то потенциал взаимодействия и сотрудничества повышается.

В отличие от устойчивых объектов, с неизменными существенными качествами, нации могут рассматриваться в качестве областей культуры, в рамках которых различные участники соревнуются за значимость нации и, не стоит забывать, за власть внутри нации. Как учил нас Фуко десятилетиями лет тому назад, следуя за Марксом и Грамши, значимость и власть тесно взаимосвязаны, тот кто имеет власть, часто определяет значимость, а на политической арене претендент, который может определить значимость, имеет необыкновенную претензию на власть. Нации являются местонахождением культурных конфликтов вокруг значимости, принадлежности и ценностей, устремлений и надежд, целей и интересов, а также местами, где решается, кто включается и кто исключается из нации. Эта борьба за значимость и власть является всегда продолжающейся и важной. Она может привести к обращению вовнутрь и отгораживанию от мира - судьба, от которой страдали все советские республики в годы сталинизма - или же она может вести к открытию, преодолению ограниченности и обогащению национальной культуры достоянием всего земного шара.

В первые годы независимости национализм обеспечил легитимность правительству Тер Петросяна в Армении. Это переводилось в демократию, капиталистическое процветание и победу в карабахской войне. Для дашнакской оппозиции и многих из диаспоры война прошла успешно, хотя недостаточно быстро. Демократия забуксовала в

декабре 1994 года, с подавлением Дашнакцутюн и последующими "свободными, но несправедливыми" выборами в парламент в 1995 году. Второй удар она получила в сентябре 1996 года, во время запятнавших себя выборов Президента и последующих волнений. Однако далека от истины ужасная характеристика Армении как авторитарной, недемократической или создавшей конституционную диктатуру. С учетом пристального внимания мира к Армении и зависимости крошечного государства от доброй воли сообщества доноров, в особенности Соединенных Штатов, всем должно быть ясно, что республика остается неполностью демократической, не авторитарной. Пресса не подвержена полностью цензуре; существует оппозиция; и правительство может пасть.

Правительство Тер Петросяна не превратило суды в инструменты государственной власти, хотя они все еще далеки от полной независимости. Начались переговоры с объявленной вне закона оппозицией.

Как источник легитимации правительства, национализм сейчас неэффективен. Он должен быть дополнен реальной демократической практикой, процветающей экономикой и успешным разрешением карабахской проблемы.

Азербайджан сталкивается с еще большими проблемами легитимности. Здесь правит власть, а не авторитет. Правительство считает себя национальным, но в действительности является одной политической кликой, правящей над другими. Оно проиграло карабахскую войну, не смогло объединить нацию, и живет обещаниями будущих нефтяных богатств. Оно не является ни демократическим, ни действительно национальным и выживает потому, что является наилучшей альтернативой для реконструкции государства. Алиев достоин уважения за введение порядка и большей стабильности в стране, которая

манипулировала на грани дезинтеграции. Его достижением стало государственное строительство, как важный первый шаг к более репрезентативной политической системе. Здесь, в отличие от Армении, национализм, или определенная форма государственного патриотизма, все еще нуждается в обеспечении гражданской религией или социальной мифологией для того, чтобы собрать воедино разрозненные элементы населения. Форма этой национальной мифологии беспредельна, непредсказуема, но учитывая прошлый опыт Алиева, маловероятно, что она дегенерирует в шовинистический, экспансионистский национализм. Не желая впасть в фундаментализм, Азербайджан может легко переосмыслить себя как прогрессивное светское государство, в культурном отношении как модель мусульманской нации для исламского мира. Иран, который имеет мрачную историю правления над своим азербайджанским населением, не является зеркалом для будущего Баку, в то время как светская Турция намного более привлекательна.

Грузия представляет собой наиболее сложную картину. Это страна, которая сама себя разрушила, разорвала себя на куски в оргии шовинистического национализма, провоцируя, и в действительности подбадривая сецессионизм своих меньшинств и интервенцию России. Но при Шеварднадзе, который представляет собой огромный национальный ресурс международного значения, Грузия восстановила себя, приступив к строительству государственных институтов, ликвидации полувоенных организаций, пытаясь использовать Россию (с очень ограниченным успехом) в целях реинтеграции с Абхазией и Южной Осетией, и практикуя тип жесткой демократии. Исходя из того, где Грузия была в начале 1992 года, с горящим центром в Тбилиси и грузинами, убивающими грузин, достижение правительства

Шеварднадзе является экстраординарным.

Важно помнить, что нации являются сгустками истории. Они созданы из историй, которые люди пересказывают друг другу о своем прошлом, и тем самым определяют кто они такие. В свою очередь, истории основаны на воспоминаниях, упорядоченных в рассказах. Намного менее важно то, что произошло, чем то, что вспоминается. То, что вспоминается, что было забыто или подавлено, представляет собой шаблон, через который осмысливается мир.

Националистическое насилие или межэтническое сотрудничество и толерантность зависят от того, каковы рассказы, что говорится о несправедливости, подавлении или предательстве. Тот, кто их рассказывает, имеет огромную (хотя и далекую от абсолютной) власть переформировывать, редактировать, формировать свои рассказы, и тем самым поддерживать будущее насилие или сотрудничество.

Региональная безопасность требует сильные, авторитативные государства. Слабые государства, не способные поддерживать внутренний мир, являются нежеланными партнерами в международных отношениях и поддерживают имперские фантазии более крупных и мощных соседей. Слабость, особенно в таком регионе как Закавказье, связана с нестабильностью.

Тогда что же является сильным государством? Есть ли это арсенал, стоимостью в один миллиард российского оружия? Или является ли это тем, что обеспечивает безопасность, но еще и товары и услуги для своего народа на подходящей и твердой основе?

Предоставлением товаров, государство получает легитимность. Национализм редко был достаточен, по крайней мере на долгое время. Либерально-

демократическое правление требует такой стабильности и предсказуемости. Как пишет политический теоретик Стивен Холмс, "важной моральной и психологической основой любой функционирующей либеральной демократии является взаимное сотрудничество между народами по производству элементарного общественного блага"(1). В пик приватизации в бывшем посткоммунистическом Советском Союзе, само правление во многих республиках было приватизировано еще до того как едва возникло понимание общественного блага. Эта продажа правления высшему скупщику является верной дорогой от демократии к мрачному и неизвестному пункту назначения.

Что я сегодня доказывал?

1. Для независимого, от региональных имперских гегемонов, выживания Южный Кавказ должен построить сильные, легитимные, демократические, авторитативные (не авторитарные) государства, основанные на правовом правлении.

2. Национализм, со всеми своими прошлыми движениями, достиг своих пределов, и этнонационализм исключительного типа явно опасен, даже саморазрушителен, что продемонстрировал эпизод с Гамсахурдиа в Грузии.

3. Кавказ имеет давние и богатые традиции взаимопереходящей, интегрированной, синтетической, космополитически разделяемой культуры, которая нуждается в выживании, сохранении, модернизации, как намного более подходящая для этого региона форма цивилизованной современности в XXI веке. Я напомню Вам, что до этого века остается менее

Примечания:

- **Рональд Григор Сюни** - профессор кафедры политической науки Чикагского университета. Электронная почта: <suny@cicero.uchicago.edu>.
1. Stephen Holmes, "Cultural Legacies or State Collapse? Probing the Postcommunist Dilemma", in Michael Mandelbaum (ed.), *Postcommunism: Four Perspectives* (New York: Council on Foreign Relations, 1996), p. 5.

 [Содержание](#)

[Следующая статья](#)